

Славная смерть военного пастыря.

6-го августа сего 1915 года осиротѣлъ 149 пѣхотный Черноморскій полкъ, потерявъ своего глубокочтимаго духовнаго отца, священника Александра Павловича Вознесенскаго.

Славной смертью героя палъ нашъ добрый пастырь, оставаясь до послѣдней минуты своего земнаго бытія на недоступной для многихъ высотѣ по выполненію обязанностей своего поста и, ярко блестя на немъ, какъ путеводная звѣзда, освѣщаль къ правдѣ дорогу, итти по которой и звалъ онъ въ жизни паству свою.

Отслуживъ въ этотъ день обѣдню при штабѣ полка, онъ часовъ въ 11 утра отправился въ окопы передовыхъ линій. Съ крестомъ въ рукахъ и пѣніемъ тропаря Преображенія обходилъ онъ роты, окропляя святой водой своихъ любимыхъ „солдатишковъ“, поздравлялъ ихъ съ праздникомъ, освящаль яблоки и, какъ всегда, наставительно бесѣдовалъ съ ними. На этотъ разъ онъ поучалъ ихъ не уподобляться предателю-Иудѣ и не оставлять своихъ сражающихся товарищей, покидая подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ свои мѣста въ окопахъ. А на просьбы, обращенныя къ нему, сойти въ окопы и итти по дну ихъ, отвѣчалъ поученіемъ на тему: „не бойтесь. отъ убивающихъ тѣло, а душѣ не могущихъ повредить“. И, являя примѣръ полного пренебреженія къ своему брэнному тѣлу, онъ безстрашно шель по открытому полю, а вражескія пули, какъ

пчелы, жужжали подь нимъ и вздымали пыль подь ногами его. И, о позоръ для врага, охотившагося съ разстоянія 600 шаговъ за священнослужителемъ съ крестомъ въ рукахъ и не отъ міра сего незлюбовой душой въ немощномъ тѣлѣ.

Какъ подкошенное, свалилось оно, пронизанное вражеской пулей. Брызнули слезы у паствы, на небеса къ Всевышнему послали вздохнувшія груди мольбу о принятіи духа пастыря съ миромъ, а въ глубинахъ любящихъ сердецъ накапливаетъ непріязнь къ принесшему намъ горе врагу и куеть она тамъ и леплетъ мечту о расплатѣ.

Передь свѣжей могилой батюшки, похороненнаго, по выраженному имъ наканунѣ желанію, у придорожнаго креста на юго-западной окраинѣ дер. Доугишки, толятся съ непокрытыми головами группы осиротѣлой паствы, вздыхая, передають тихонько рассказы тѣмъ, кто его еще мало зналъ, о его рѣдкой добротѣ душевной и геройскихъ его подвигахъ въ теченіе войны...

Въ опущенной на грудь головѣ встають и отрывочно проносятся воспоминанія былого...

Вотъ бой 13-го августа минувшаго года подь Тарноваткой. Мы гонимъ врага. Цѣпляясь за каждую горку, за каждую опушку лѣса, онъ пробуетъ задержаться и дорогой цѣной продаетъ свой каждый шагъ отдыха. Утомились бойцы, жарко, а бой кипитъ, какъ въ котлѣ. Вотъ дружнымъ броскомъ „на ура“ взлетаютъ передовыя роты баталіона на одну изъ возвышенностей. Отбѣжавшій врагъ обрушивается досадливо на только что оставленное имъ мѣсто и поливаетъ его свинцомъ своихъ ружей и пулеметовъ, отъ нихъ лишь свистъ стоитъ въ ушахъ, а неистовствующая пращель реветъ, и стонетъ, и плачетъ кругомъ.. И вотъ среди этого ада звуковъ чудится пѣніе молитвы: „Спаси Господи люди Твоя“. Что такое? Галлюцинація слуха?

Нѣтъ... Съ эпитрахилью и крестомъ, съ устремленными къ небу глазами, съ струящимися по лицу каплями пота медленно поднимается на гору батюшка, а вокругъ него, какъ волны ладона, клубится пыль, поднимаемая огнемъ направленныхъ въ него пулеметовъ.

— Ложитесь, убьютъ...

Опускается возлѣ, но не изъ за страха передь пулеметами, а чтобы отдохнуть, перевести духъ...

— Чтожь, что стрѣляютъ? вѣдь я съ Св. Дарами, меня угодники, Божіи берегутъ,—говоритъ онъ своимъ простымъ, заставляющимъ забывать, что онъ кандидатъ богословіа, ярославскимъ говоромъ.

— Да вы здѣсь-то зачѣмъ?

— Какъ зачѣмъ,—удивляется,—а ежели кто исповѣдаться захочетъ передь смертью, вотъ я и тутъ.

— А это кто же лежитъ...—и, поднявшись, подошелъ къ умирающему шагахъ въ 10-ти австрійцу, наклонился къ нему, видитъ, кончается человѣкъ, перекрестилъ его, приложилъ къ губамъ его крестъ и побрелъ себѣ дальше вдоль позиціи...

— Ночь прекратила бой 27 августа у д. Андреевки.

Съ разсвѣтомъ полкъ получаетъ приказаніе отойти и направляется назадъ. Это движеніе намъ непонятно: ушелъ ли противникъ послѣ вчерашняго боя или мы вынуждены къ отходу, не знаемъ. Сосѣди остаются на мѣстахъ, должно быть и противникъ здѣсь...

Навстрѣчу полку на повозочкѣ съ псаломщикомъ ѣдетъ нашъ батюшка.

— Вы куда же, батюшка?

— А на позицію, вѣдь тамъ убитые остались.

— Да ихъ похоронили, батюшка.

— А панихиду надо отслужить, на могилѣ крестъ поставить, безъ этого, вѣдь, нехорошо.

— Да, вѣдь, опасно, батюшка, тамъ противникъ можетъ быть.

— Грѣха надо опасаться, а не исполненія своего дѣла,—отвѣчаетъ батюшка и ѣдетъ дѣлать свое дѣло...

11 октября. Полкъ, готовясь къ наступленію на д. Бржезовку, переходитъ въ строй по-ротно. Слѣша, обгоняетъ его, сильно прихрамывая, о. Александръ, а спустя нѣкоторое время, впереди разсыпавшихся пѣпей виднѣется освѣщаемая лучами заходящаго солнца знакомая и близкая сердцу фигура въ полномъ облаченіи...

Батюшка находу служить напутственный молебень... А коварный врагъ уже наводилъ на насъ орудія притаившейся невдалекѣ батареей...

Годъ войны и шесть лѣтъ мирнаго времени, времени его пребыванія въ полку, полны воспоминаній объ о. Александрѣ, какъ изумительно рѣдкостномъ человѣкѣ. Будучи одинокимъ, онъ жилъ интересами всѣхъ. Его безконечно добрая душа была полна заботъ и попеченій о благѣ паствы. Взгрустнется ли когда кому, или такъ тяжело станетъ на душѣ, пойдетъ къ своему батюшкѣ, и легче станетъ отъ бесѣды съ нимъ... И вотъ не стало его... Въ тяжелыя минуты переживаемаго ищешь утѣшенія въ молитвѣ, невольно глаза обращаются къ небу и шепчутъ уста.

„Господи! повелѣніемъ Твоимъ пріялъ еси божественнаго служителя Твоего. Пріими же въ руцѣ Твои душу его, яко птенца, и учини его во дворѣхъ Твоихъ“.

Подполк. А. Анненковъ.

(„Прих. Лист.“)